

в греческой, так и в армянской традиции. Так подготавливается переход к заключительной главе книги: *«Филон как духовный автор в представлении армянских комментаторов: к вопросу об истоках традиции»*.

Помимо 4-х глав книга О.С.Вардзарян содержит необходимый аппарат:

подробные и содержательные примечания, обширный список литературы, указатель имен, а также два Приложения на армянском языке.

Сложному и тонкому содержанию книги соответствует тонкий и очень легкий язык с замечательной, глубоко личной интонацией.

О.Л.ЛЕВИНСКАЯ (АХУНОВА)

Фундаментальное исследование религиозной жизни античного Северного Причерноморья

И.Ю. Шауб. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII-IV вв. до н.э. СПб, 2007. 485 с.

Книга историка античности И.Ю.Шауба «Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII-IV вв. до н.э.» – первая крупная монография петербургского учёного, в которую вошли результаты многолетней работы автора в области исследования религиозной жизни обитателей Северного Причерноморья в ранней и классической античности, и, без сомнения, самое значительное в последнее время исследование в этой области.

К этой характеристике не нужно даже делать стандартную в таких случаях оговорку «на русском языке». Северный берег Чёрного моря – нынешняя территория России и Украины, а в античности – область богатых греческих колоний (Херсонес, Ольвия) ещё со второй половины XIX в. стала «русской Элладой» – тем осколком античного мира, к которому имели

доступ почти исключительно русские (а впоследствии советские) исследователи. Но если в императорской России проблематика религиозной жизни населения причерноморских областей привлекала ряд блестящих ученых (И.И. Толстой, М.И. Ростовцев и др.), то среди советских исследователей, в духе господствовавшей идеологии, интерес к особенностям религии этого региона был невелик. Те же редкие исследования, которые появлялись в этот период, как правило, рассматривали религию понтийских эллинов и верования окружающих их варварских племён как две абсолютно различные культовые системы, лишённые каких-либо взаимовлияний. Между тем феномен Северного Причерноморья состоит как раз в том, что здесь свойственная грекам «ярко выраженная способность к критическому отбору, усвоению, пе-

реосмыслению и переработке чужого опыта» (Ю.В. Андреев) в религиозной сфере и яркая «пассионарность» местного населения привели к возникновению уникального греко-варварского синтеза в целом ряде культурных явлений, в том числе и в области религии. Рассмотрению этого феномена и интерпретации ряда ключевых сюжетов и символов причерноморских религиозных воззрений и посвящена объёмная монография И.Ю. Шауба.

Первые две главы «Мифа...» знакомят читателя с проблематикой источниковедения и историографии религиозных представлений, связанных с Северным Причерноморьем. В качестве источников, которые автор приводит в своей книге, подробно рассматриваются как эпиграфические памятники, посвященные надписи и граффити, являющиеся главным источником по истории локальных культов, так и погребальные комплексы, нумизматический, скульптурный и живописный материал, расписные и фигурные вазы (в особенности т.н. вазы керченского стиля; семантике изображений на этих вазах посвящена отдельная глава), а также литературные свидетельства (увы, немногочисленные) античных авторов о религиозной жизни обитателей этого региона. Этим свидетельствам посвящена третья глава, в которой автор сосредотачивает своё внимание на источниках того «характерного, специфического колорита» (И.И. Толстой), который отличает Причерноморье в греческих легендах.

Анализируя легенды о путешествии аргонавтов, предания об Ифигении, Ахилле и амазонках, И.Ю. Шауб отмечает глубокую связь этих преданий с загробным миром. По мнению автора, на «локализацию» царства мёртвых в Северном Причерноморье в ряде греческих мифов повлияли особенности культов местного варварского населения, имевших явную хтоническую направленность.

Ряд этих культов подробно рассмотрен в IV главе монографии И.Ю.Шауба, посвящённой верованиям местного населения Северного Причерноморья. Важнейшее место среди них в интерпретации исследователя занимает культ многоипостасной Великой богини, особенно характерный для ближневосточной и средиземноморской культур. Образ Великого женского божества, тесно связанный с культом плодородия, играл важнейшую роль в религиозной жизни человечества, начиная с неолита вплоть до поздней Римской империи (ср. «Гимн к великой Матери» Юлиана). Кроме того, высокой жизнеспособностью отличаются и атрибуты Великой богини: так, например, обоюдоострая секира – лабрис, современный символ лесбиянок – на минойском Крите считался одним из воплощений Великой богини и символом её власти над олицетворяющим мужское начало богом-быком, а в IV в. до н.э. появляется в ольвийских погребениях, где его функция, по-видимому, аналогична критской. У причерноморских варваров — скифов и тавров — культ

Великого женского божества был «первобытным и господствующим» (М.И. Ростовцев), а главные женские божества скифского пантеона по Геродоту — Табити, Апи и Аргимпаса — вероятно, «первоначально представляли собой ипостаси одной и той же древнейшей богини». С культом Великой богини тесно связаны и предания об амазонках, часто проявляющих андрогинизм и имеющих связь с загробным миром.

Рассмотренные И.Ю. Шаубом скифские представления о Великой богине, воинские культы и особенности скифского шаманизма, по-видимому, являются достаточным доказательством для тезиса учёного о том, что скифский религиозный менталитет был достаточно примитивен, и, во всяком случае, был далек от весьма стройной, но в высшей степени формальной модели религиозной картины мира скифской культуры, построенной выдающимся скифологом Д.С. Раевским.

Если IV глава монографии посвящена интерпретации верований и культов варварского населения Северного Причерноморья, то последующие три раздела описывают особенности религии трех основных очагов греческой колонизации на Черном море: Ольвии (гл. V), Херсонеса (гл. VI) и Боспора (гл. VII). Только недоразумением можно объяснить то, что вплоть до настоящего времени господствующей гипотезой относительно культов этих эллинизированных областей остаётся предположение, согласно которому

культы колоний в точности повторяли культы своих метрополий (и то понятые в высшей степени поверхностно: например, см. названия глав в книге признанного специалиста по причерноморским культам А.С. Русяевой «Религия понтийских эллинов в античную эпоху» (2005): «Аполлон — главный защитник ионийских полисов», «Деметра — великая аграрная богиня»; Афродита же, по Русяевой, выступала в Ольвии в качестве покровительницы, с одной стороны, колонизации, а с другой — семейной жизни). Анализ свидетельств, проведённый И.Ю. Шаубом, не оставляет сомнения в том, что во многих культах колоний существенную роль играла их местная подоснова. Так, в Ольвии культ Аполлона Врача связан с местным культом божества с функциями целителя, имеющим шаманистические черты, а образ Ахилла, некогда, как убедительно доказывает автор, бывшего умирающим и воскресающим божеством, спутником Великой богини, в Северном Причерноморье слился с местным божеством со схожими функциями. В Херсонесе Таврическом Великая богиня почиталась под именем Девы, божества, которому приносились человеческие жертвы и которое греки ассоциировали с Артемидой. Здесь в качестве спутника Великой богини выступал Геракл, второе по значимости после Девы божество Херсонеса. На Боспоре же местная Великая богиня была отождествлена греками с Афродитой, крайне популярным божеством и на европейской,

и, особенно, на азиатской стороне Боспора. Вероятно, популярность Афродиты на Боспоре объяснялась важной ролью колонистов из северо-западной Малой Азии, поскольку именно здесь Афродита обладала ярко выраженными чертами местной Великой богини – Πόρνια θεῶν (Ф.Ф. Зелинский). В свою очередь, Деметра на Боспоре была не столько «аграрной богиней», сколько воспринималась вообще как богиня жизни и смерти (деля эти функции с Афродитой).

Исключительное разнообразие культов обитателей античного Северного Причерноморья делает чрезвычайно сложным построение их цельной картины. Однако в этом сложнейшем материале И.Ю. Шауб ориентируется свободно и легко, при этом обходясь без надуманных формальных конструкций. На наш взгляд, не вызывают никаких сомнений выводы автора как о доминанте в религиозной жизни всего региона культа Великого женского божества, так и о многообразных взаимовлияниях греческой и варварской культуры. Блестящая эрудиция и (что, пожалуй, не менее важно) тонкая научная интуиция автора позволяет ему проводить весьма

убедительный семантический анализ как литературного материала, так и произведений искусства (стоит отметить, что в книге содержится 112 иллюстраций, прекрасно дополняющих текст). Что касается материала, по тем или иным причинам не вошедшего в книгу, то, учитывая многообразие и объём свидетельств, рассмотренных в работе, попытка упрекнуть автора в том, что какая-то деталь оказалась выпущенной им, выглядела бы придиркой.

Среди многочисленных научных трудов И.Ю. Шауба, помимо тематики рассмотренной в рецензии книги, есть труды по военной истории античности, искусству итальянского Возрождения и русской культуре Серебряного века. Но именно материал «Мифа, культа, ритуала» позволил автору увидеть в обрывочных эпиграфических материалах, памятниках искусства и зачастую искажённых свидетельствах древних авторов символы, которые уже древние могли воспринимать только как часть религиозного ритуала, но которые, применяя терминологию К.Г. Юнга, продолжают жить в коллективном бессознательном человечестве и по сей день.

В.В. АНДЕРСЕН